Р.И. ПЕРЕКРЁСТОВ

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СТАРООБРЯДЦЕВ С КРУЖКОМ А.И. ГЕРЦЕНА

Взаимоотношения между кружком А.И. Герцена и старообрядцами – малоизученная страница истории русской демократии XIX в.

Публикации писем старообрядцев в «Общем Вече» (приложение к «Колоколу»), 2-3 коротких замечания, оставленные А.И. Герценом в «Былом и думах», «Исповедь» В.И. Кельсиева отражают попытки членов кружка А.И. Герцена вовлечь староверов в политическую борьбу против царизма. Отношение старообрядцев к «лондонским эмигрантам» долгое время оставалось вне круга интересов исследователей, поскольку резкие обличительные высказывания старообрядцев бросали тень не только на А.И. Герцена, но и на всю череду борцов с царизмом, от «народников» до «большевиков».

Первый шаг к общению с лондонскими эмигрантами сделали старообрядцы.

В конце 1850-х годов при Рогожском кладбище образовался кружок молодых старообрядцев единомышленников, лидерами которого были епископ Коломенский Пафнутий (Поликарп Петров Овчинников), прихожанин Иван Иванович Шебаев, начётчик Семён Семёнов и другие. Это были представители молодого поколения старообрядцев, восприимчивые ко всему новому, свободные от многих предрассудков старины. В свои молодые годы они стали свидетелями либерализации общества, начавшегося с приходом к власти Александра II. Обсуждение в газетах предстоящих правительственных реформ, критика распоряжений правительства волновали всё российское общество, и это не могло не повлиять на мировоззрение молодых старообрядцев, которые были не только наслышаны о студенческих организациях, о социалистах, но читали лондонские издания «Вольной русской типографии».

В.И. Кельсиев в «Исповеди» писал: «Поликарп (епископ Коломенский Пафнутий. – *Р.П.*) сам говорил мне, что старообрядцы хорошо знают о существовании ,,Колокола“, почитывают его и в ссорах между собой грозятся отделать друг друга в его столбцах» (1).

Общий настрой к переменам в российском обществе конца 1850-х годов подвигал молодых старообрядцев к поиску возможности сделать доступным для староверов, вопреки запрету правительства, современный уровень образования, открыть приходские училища для детей, духовное училище для старообрядческой молодёжи, наладить выпуск старообрядческой духовной литературы, издавать собственную газету. На пути претворения в жизнь столь благородных задач непреодолимым препятствием стояли запретительные законы правительства, не допускавшие старообрядцев ни к участию в общественной жизни, ни к созданию собственных училищ, где преподавание Закона Божьего проводилось бы по старопечатным книгам, ни к собственному издательству.

По свидетельству Н.И. Субботина, в 1859 г. епископ Пафнутий (Овчинников) при поддержке своих единомышленников подготовил в адрес правительства прошение «о дозволении белокриницкому священству законного признания и ограждения на тех правах, на каких существуют в России церкви и духовенство разных иноверных исповеданий». Но прошение было отвергнуто. После этого «снова и с большею серьёзностью, – писал Н.И. Субботин, – возобновились беседы об открытии сношений с Лондоном». «Тогда-то явилась мысль об основании в Лондоне старообрядческой церкви, училища для образования будущих миссионеров старообрядчества и типографии для печатания раскольничьих сочинений» (2). Прогрессивная часть старообрядцев была в эти годы озабочена тем, как освободить мировоззрение объединившихся вокруг Белокриницкой иерархии старообрядцев от беспоповских заблуждений, столь распространённых в некоторых поповских согласиях. До 1862 г. в старообрядческой церкви ещё не было чёткой программы, как противостоять идеологии беспоповства. Епископ Пафнутий (Овчинников), например, придерживался мысли, что необходимо опубликовать за границей беспоповские сочинения, предав их, таким образом, на суд православной общественности, что позволит обличить беспоповцев в их заблуждениях.

Кружок А.И. Герцена стал интересным и привлекательным для старообрядцев после опубликования «Вольной русской книгопечатней» в Лондоне в 1860 и 1861 гг. первого и второго выпуска «Сборника правительственных сведений о раскольниках», подготовленных В.И. Кельсиевым. Русской общественности стали известны десятки постановлений правительства Николая I, направленных на ущемление гражданских прав и свобод старообрядцев. Издание «Сборника» вызвало у старообрядцев прилив симпатии к лондонским эмигрантам.

Пафнутий (Овчинников), уполномоченный своими единомышленниками вести переговоры с А.И. Герценом об издании за границей старообрядческих сочинений и о создании духовного образовательного центра для старообрядцев, прибыл в Лондон в конце 1861 г. и первые дни находился под опекой В.И. Кельсиева.

Вопрос о финансировании заграничного предприятия старообрядцев был оговорён ещё до поездки Пафнутия в Лондон. В «Объяснительной записке», поданной Пафнутием Митрополиту московскому Филарету накануне присоединения к греко-российской церкви на правах единоверия, Пафнутий писал: «Мы предполагали основать училище для воспитания раскольнического юношества, в различных заграничных городах основать раскольнические общества и церкви, составлять сочинения в пользу раскола и распространять их в самом большом количестве экземпляров при посредстве заграничной печати. Для всех этих предприятий имелись готовые средства (3) и были открыты уже сношения с нужными лицами, когда милосердному и дивному в судьбах своих Господу угодно было удержать, наконец, дерзкую мою руку» (4).

В Лондоне в свою очередь, искали возможность вступить в переговоры со старообрядцами. Главным идеологом таких встреч выступал В.И. Кельсиев, полагавший, что старообрядцы, постоянно теснимые и гонимые в своей собственной стране, неизбежно должны пребывать в оппозиции правительству. Многие требования старообрядцев, по мнению В.И. Кельсиева, совпадали с программой русской революции, и при этом важным достоинством мировоззрения русского старообрядчества оставалась его самобытность, не замутнённая революционными теориями Западной Европы. В.И. Кельсиев считал, что, опершись на многомиллионную массу русского народа, собранную в крепкую религиозную организацию, можно получить мощный рычаг воздействия на правительство.

В.И. Кельсиев возбуждал перед А.И. Герценом вопрос о сплочении всех оппозиционных сил в России и создании «какой бы то ни было организации». Но в этом у В.И. Кельсиева и А.И. Герцена были расхождения (5).

А.И. Герцен действительно не ставил задачу создания в России партии или боевой организации, но допускал, что «Колокол» своей бичующей правдой способен разбудить наиболее мыслящую часть русской интеллигенции и направить её знания и энергию на полезную преобразовательную деятельность, а при необходимости возглавить народное движение протеста. О том, что в кружке лондонских эмигрантов обсуждался вопрос о возможном крестьянском бунте в России, А.И. Герцен писал в главе «М. Бакунин и польское дело» «Былого и дум»: «Бакунин верил в возможность военно-крестьянского восстания в России, верили отчасти и мы – да верило и само правительство» (6).

«Мне хотелось приманить раскольников на нашу сторону, – писал В.И. Кельсиев, – возбудить в них политическую оппозицию правительству, воспользоваться беспоповским (именно беспоповским, а не поповским! – *Р.П.*) учением, что царь – антихрист, министры и архиереи – архангелы сатаны, чиновники и священники – воплощённые черти. Мне хотелось сделать для раскольников практический вывод из их верований, надоумить их, чего им хотеть, чего добиваться и кого держаться» (7).

В «Исповеди» В.И. Кельсиев писал: «Я высказал Поликарпу мою заветную мысль о союзе нашем с сектантами, об устройстве у нас печатаний их сочинений и об организации в одно целое всех сект с целью дружного наступа на правительство ... я бил именно на необходимость спасения России от грозящей неурядицы [революции] организацией правильной оппозиции» (8).

Поликарп дипломатично «вполне соглашался с моим взглядом», но проводил свою линию. «Особенно ему хотелось, чтобы беспоповская литература вышла в свет». «Беспоповцы упрямятся, – говорил он, – а сами скрывают, на чём они держатся. Книг у них много, да они их не показывают, знаючи, что супротив истины им не устоять. ... Так вот, если бы их писания вывести на свежую воду, мы и знали бы, на чём они основание своё полагают, и могли бы обличать их с успехом». «Поликарп не скрывал, что главной целью его путешествия было познакомиться с нами и извлечь из нас какую-нибудь пользу для старообрядчества» (9).

Встреча старообрядца Поликарпа Петрова Овчинникова (под этим именем епископ Коломенский Пафнутий выехал за границу. – *Р.П.*) с А.И. Герценом состоялась через несколько дней после приезда в Лондон. Поликарп Овчинников произвёл на А.И. Герцена и его окружение благоприятное впечатление, поразив всех блестящей памятью, гибким умом, глубиной и логикой суждений. Обе стороны за долгими беседами терпеливо выясняли интересующие их вопросы.

Конкретных договоров не последовало. Но встреча с посланцем старообрядцев России, по-видимому, укрепила лондонских эмигрантов в мысли, что союз со старообрядцами возможен и что старообрядцы могут стать партией оппозиции внутри России. Общее мнение лондонских эмигрантов выразил М.А. Бакунин на страницах «Колокола».

М.А. Бакунин, бежавший из сибирской ссылки через Японию и США, приехал в Лондон 27 декабря 1861 г. В это время он был захвачен идеей «Польско-славянского вопроса ... разрушением Австрийской империи и ... созданием вольной славянской и славной федерации» (10).

Здесь, в Лондоне, в квартире у А.И. Герцена, М.А. Бакунин встретился с Поликарпом Овчинниковым. Убеждённый атеист М.А. Бакунин, как свидетельствует В.И. Кельсиев, не скрывал ироничного отношения к старообрядцу и его религиозным взглядам. Тем не менее, в своей статье «Русским, польским и всем славянским друзьям», помещённой в февральском номере «Колокола» (№122) за 1862 г., М.А. Бакунин представил старообрядчество как «могущественную политическую организацию». А.И. Герцену, редактировавшему каждую статью «Колокола», в том числе и статьи М.А. Бакунина, видимо, понравилось «заявление» М.А. Бакунина: «В расколе продолжилась и сохранилась для народа прерванная Петром история народной России. В расколе – его мученики, святые герои, его заветные мечты и надежды, в нём пророческие утешения народа. Раскол двинул вперёд его социальное воспитание, дал ему тайную, но, тем не менее, могущественную политическую организацию, сплотил его в силу. Раскол подымет его во имя свободы на спасение России» (11).

Взгляды М.А. Бакунина на роль и значение старообрядцев в революционном движении, разогретые идеей разрушения империй и искажённые воинственным атеизмом, разделяли в то время все члены кружка А.И. Герцена.

В той же статье М.А. Бакунин использовал религиозное представление христиан о грядущем наступлении «последнего времени» – времени прихода на землю антихриста перед вторым пришествием Христа. М.А. Бакунин представил религиозный смысл этого Евангельского пророчества как грозное политическое предупреждение, исходящее из уст старообрядцев в адрес царского правительства: ,,Времена приближаются“ так говорят раскольники, – писал М.А. Бакунин. – Освобождения ждёт теперь народ от царя, и горе царю, горе дворянам, монополистам, офицерам, чиновникам, казённым попам, всей казённой России, если народу не дастся теперь полная свобода с полным обладанием землёю» (12).

Статья М.А. Бакунина, а особенно заявление, что «раскол дал (народу) тайную, но, тем не менее, могущественную политическую организацию», носили явно провокационный характер, что могло не только усилить подозрительность правительства в отношении старообрядцев, но и вызвать обострение внутриполитической обстановки в стране. Ставка лондонских эмигрантов во главе с А.И. Герценом на старообрядцев была высокой, но ошибочной, что показали дальнейшие сношения со старообрядцами.

Через 6 месяцев после отъезда епископа Пафнутия (Овчинникова) из Лондона в июльском номере «Колокола» (№139) появилось объявление, что «при ,,Колоколе“ будет выходить в неопределённые сроки особый лист под заглавием ,,Общее Вече“. Цель ,,Общего Веча“ уяснить общее земское дело и служить выражением мнений, жалоб и общественных потребностей людей всех религиозных толков и согласий, и всех сословий, крестьян и разночинцев» (13).

С 15 июля 1862 г. по 15 июля 1864 г. вышло 29 номеров «Общего Веча» в виде приложений к «Колоколу». В подготовке первого номера вместе с Н.П. Огарёвым принял участие В.И. Кельсиев. Публикуемые редакцией письма из России раскрывали перед читателем разные стороны неравноправного положения крестьян, в том числе и старообрядцев в русском обществе. Призывов к оппозиционной деятельности не было.

Для закрепления отношений со старообрядцами и выяснения вопроса «о возможном союзе со старообрядцами» и «превращения старообрядцев в партию оппозиции» в марте 1862 г. в Россию выехал В.И. Кельсиев. В Москве он познакомился с И.И. Шебаевым, встретился со всеми членами его кружка и с каждым имел беседу. Со старообрядцем Поликарпом Петровым Овчинниковым (епископом Пафнутием. – *Р.П.*) встретиться в Москве не удалось, но «его отсутствие не было заметно ощутимым, И.И. Шебаев был хорошо осведомлён о переговорах таинственного старообрядца с лондонскими эмигрантами и выступал в качестве доверенного лица Поликарпа Петрова». И.И. Шебаев сообщил В.И. Кельсиеву, «что замысел этот почти никому не известен в Москве, что даже и открывать его опасно».

Романтик революции В.И. Кельсиев столкнулся в Москве с ещё более наивными и неискушёнными в политике старообрядцами.

«Много труда и терпения нужно было мне, – писал В.И. Кельсиев, – чтобы растолковать им, чего нам нужно от них. Главное, чего я добивался от них как от людей, всё-таки близко стоящих к народу, какие реформы будут народу ,,приятны“ и какие – нет? Не помню теперь хорошенько, но мы остановились на семи статьях: 1) свобода вероисповедания, 2) свобода слова, 3) гласный суд, 4) сокращение срока военной службы, 5) борода, 6) усиление выборных учреждений и 7) Земский Собор с голосом совещательным, но не решительным, как в западных конституциях».

«В 1862 г., когда я познакомился с ними, – продолжает В.И. Кельсиев, – Шебаев и его немногочисленные товарищи были слишком небогаты и слишком молоды, чтобы иметь решительный голос между своими, и потому стояли между двух огней: правительством, которое их терпело на условии, чтобы не делали ,,открытого обнаружения ереси“, и стариками, которые, покоясь на лаврах прежнего ,,мученичества и страдания за древнее благочестие“, увеличивали свои капиталы и допускали коекого из молодёжи вмешиваться в общественные дела на условии не вводить их в хлопоты и не навлекать на ,,христиан“ новых гонений». «Когда я поднял вопрос о печатании их книг, они сейчас же снабдили меня рукописями, но крайне удивились, что у нас нет средств на заведение типографии... Было решено, что с вопросом о финансировании книгоиздания они обратятся к Кузьме Терентьевичу Солдатёнкову; но он выехал незадолго перед тем за границу» (14).

В тот же приезд В.И. Кельсиева из Лондона в Россию состоялась встреча его с представителем беспоповского согласия старообрядцев, с иноком Павлом Прусским. Павел вспоминал, что гость из Лондона говорил о печатании в Лондоне их сочинений, о желаемом «союзе с сектантами». В.И. Кельсиев говорил Павлу: «Вас (беспоповцев) гонят, поповцев гонят и нас гонят, поэтому теперь и нужно вместо всяких препирательств, всем заедино во-оружиться и общими силами победить общего врага. Вас всех более 10 миллионов, и нас немало, почему же уступать с такой силой? А притом, враг теперь настолько обессилен, что справиться с ним не трудно... Благоприятнее этого времени не дождаться» (15).

Предложение В.И. Кельсиева выдавало незнакомство эмигрантов с религиозным мировоззрением старообрядцев, незнание глубины и причины непримиримых разногласий между старообрядцами поповского и беспоповского согласий. Пояснение внёс Павел Прусский, сказавший В.И. Кельсиеву: «Да и у поповцев с беспоповцами может ли быть мир? Вы сказали, что нам нужно между собой споры до времени оставить и между себя соединиться: да разве это может быть, чтобы мы, разделившись из-за религиозных предметов, теперь, из-за политических видов, оставили эту рознь?»

В.И. Кельсиев заблуждался, считая, что старообрядцы ничего не понимают в политике. Насколько глубоко проник в суть политики революционеров инок Павел Прусский, видно из его прозорливых суждений по поводу поступивших от эмигрантов предложений: «Их цель, – писал Павел Прусский, – через разрушение церкви достигнуть разрушение государства. Тогда они добрались бы до нас; мы им нужны только для достижения цели. И мы порешили, лучше терпеть от никониан всякое гонение, нежели согласиться с безбожниками и тем, через разрушение власти, готовить путь антихристу» (16).

В начале февраля 1862 г. из посада Клинцы (Стародубье) в составе делегации депутатов в Москву на Собор приехал Иларион Георгиевич Кабанов (Ксенос). Он привёз черновой вариант текста Окружного послания. Илариона Георгиевича в кружке И.И. Шебаева знали ещё с 1859 г. и уважали за глубокие знания, начитанность и смелость суждений. Наиболее близкие отношения в те годы были между Иларионом Кабановым и епископом Пафнутием, для которого Иларион Георгиевич был другом, единомышленником и учителем. Доверительные беседы двух друзей сменялись задушевной перепиской.

От Пафнутия Илариону Георгиевичу стали известны подробности общения Пафнутия с русскими эмигрантами из кружка А.И. Герцена. В.И. Кельсиев писал, что люди из окружения А.И. Герцена такие как М.А. Бакунин и П.А. Мартьянов, и «не пытались скрывать от интересного гостя ни своего безбожия, ни антимонархических настроений». Обо всём этом Пафнутий рассказал при встрече Илариону Георгиевичу.

Ксеноса больно уязвило то, что старообрядцам протянули руку люди, не верящие в Бога, крайне отрицательно настроенные против богопоставленной власти царя. По-видимому, во время беседы с Ксеносом наступило «отрезвление» епископа Пафнутия, поскольку с этого времени он стал избегать общения с лондонскими эмигрантами.

Резко отрицательное отношение к «лондонским революционерам», сподвижникам А.И. Герцена, Иларион Георгиевич (Ксенос) неоднократно высказывал печатно.

Иного отношения к революционерам со стороны Ксеноса ожидать и не следовало. Он был страстным выразителем религиозно-нравственного учения древле-православной церкви, в основе которого была заложена мысль, что на небе – Бог, а на земле – Богопоставленный царь. В своих руках Иларион Георгиевич, прибывший в Москву, уже держал черновой текст Окружного послания, в котором призывал «вкупе с верховным Апостолом Павлом творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки; изряднее же о здравии и о спасении ... Великого Государя нашего, Царя и Великого Князя Александра Николаевича ... о нем же и на святой проскомидии божественныя литургии, в числе великих седми, пятая приносится просфира».

Подписанное старообрядческими епископами 24 февраля 1862 г. Окружное послание, в котором специально подчёркивалось отношение старообрядцев к господствующей власти, сразу выводило старообрядцев из круга союзников лондонских эмигрантов.

Сношения старообрядцев с Лондоном вскоре стали известны правительству. В.И. Кельсиев рассказал в «Исповеди», что его письма к старообрядцам Рогожского кладбища были перехвачены на границе. Началось следствие, были арестованы люди, встречавшиеся с В.И. Кельсиевым во время его нелегального пребывания в России.

В «Общем Вече» №4 от 15 октября 1862 г., в разделе «Преследования раскола», было помещено сообщение: «Арестован Иван Иванович Шебаев, старообрядец. Его отправили в Петербург, в Петропавловскую, и о нём нет и слуху...» (17).

И.И. Шебаев около двух лет содержался в Алексеевском равелине. Судом Сената он был приговорён в декабре 1864 г. к трёхмесячному заключению в смирительном доме за недонесение о сделанном ему В.И. Кельсиевым предложении печатать в Лондоне недозволенные в России старообрядческие книги. Ввиду раскаяния И.И. Шебаева суд ходатайствовал о вменении ему в наказание предварительного содержания в крепости. Ходатайство суда удовлетворено в марте 1865 г. Были неприятности и у епископа Пафнутия Коломенского.

Арест И.И. Шебаева и связанное с ним ожидание неприятностей для Пафнутия и других старообрядцев заставили Илариона Георгиевича приложить всяческие усилия, чтобы оградить старообрядцев от подозрений в продолжении тайных сношений с Лондоном и защитить иерархию старообрядческой церкви от новых преследований.

И. Кабанов (Ксенос) сознательно и целенаправленно обозначает в официальных документах отрицательное отношение старообрядцев к А.И. Герцену и его окружению. Союз с этими «злокозненными безбожниками» не только противоречил религиозным представлениям старообрядцев, но был ещё и опасен, поскольку мог резко ухудшить отношение власти к непризнанной правительством Белокриницкой иерархии.

Старообрядцы не могли стать оппозиционной партией русскому правительству, как замышлял В.И. Кельсиев. Насчёт старообрядцев наивно заблуждался не только В.И. Кельсиев, но и все члены кружка А.И. Герцена.

Интересное разъяснение позиции старообрядцев было дано В.И. Кельсиеву Павлом Прусским. При встрече в 1862 г. с этим замечательным старообрядческим деятелем беспоповского согласия В.И. Кельсиев «развил взгляд на роль, какую могли бы занять в нашем движении старообрядцы, как уже готовые организации». На это Павел сказал В.И. Кельсиеву: «Не такие мы люди, чтобы думать о государственных делах – нам и того довольно, что нам теперь малую малость дали» ... «Религия наша не позволяет нам против начальства идти», – говорил Павел Прусский. При том, что беспоповцы называют нынешнее начальство «предтечи антихристовы», понимать это тоже нужно с позиций религии. «Духовное – духовным, а мирское – мирским; Кесарю – Кесарево, а Божие – Богови, – продолжал Павел Прусский. – Мы и ведем с ними брань, где веры коснется, – а в мирские дела их мы не мешаемся. В житиях нет примера, чтобы христиане бунтовали, да и святые отцы тому не учат». А на предложение сотрудничества с лондонскими эмигрантами Павел сказал, что это «все же противление властям выйдет – это нам не приходится, да и не нашего ума дело понимать, хорошо или нехорошо царь правит» (18).

Взаимное разочарование лондонских эмигрантов и старообрядцев друг другом наступило вскоре, в 1863 г., когда вспыхнувший в Варшаве мятеж вызвал в адрес русского монарха поток верноподданнических посланий. Автором одного из таких посланий выступил Иларион Георгиевич Кабанов. Ксенос в послании решительно отклонил обвинения в адрес старообрядцев о сотрудничестве с мятежниками, и в противовес «лондонским безбожникам», осуждавшим царское правительство за подавление восстания в Варшаве, выразил поддержку старообрядцами политики правительства России.

Ксенос писал: «В настоящее время, когда мы Твоим правосудием освобождены от всякого преследования и дышим свободно, милосерднаго Тебе Царя освободителя народов любим и почитаем, сугубо: как Богопоставленного Монарха и как щедрого Отца! И не попущаем не только какого замысла противна, но даже и слова неподобна произнести кому-либо из нас... И мы в сердце нашем чувствуем совершенно то, что выражено зде на бумаге: а тем самым и опровергается вся клевета, взводимая на нас, от сынов запада, мятежных крамольников» (19).

Ответ не заставил себя ждать. Н.И. Субботин писал, что в статье «Колокола», в которой говорилось о патриотизме старообрядцев, «чётко проступает горькое чувство разочарования насчёт русских старообрядцев и худо скрывается против них досада». «Чего они испугались? – восклицал А.И. Герцен. – Или чем их всех так настращали, что нельзя больше удержать вопль, крик, плач, завыванье патриотизма, усердие без границ, преданность без смыс-

ла? Адресы, панихиды, молебны на чистом воздухе и в воздухе, продымлённом ладаном, адресы от грамотных и безграмотных, от старообрядцев и новообрядцев?» (20).

В том же 1863 г. Иларион Кабанов подготовил тест «Архипастырского послания митрополита Кирилла к русским старообрядцам», который был подписан Кириллом 24 февраля 1864 г. (21). В послании говорилось: «К сим же завещеваю вам, возлюбленнии: всякое благоразумие и благопокорение покажите пред царем вашим, в чем не повреждается вера и благочестие, и от всех враг его и изменников удаляйтесь и бегайте, якоже от мятежных крамольников Поляков, тако наипаче от злокозненных безбожников, гнездящихся в Лондоне, и оттуду своими писании возмущающих европейские державы и рассевающих плевельное учение треокаянного оного врага Христова, тмократному проклятию подлежащего, сосуда сатанина, всенечестивейшего Вольтера, возмутившего всю вселенную своим диавольским учением, иже в животе своем все тщание имеяше, воеже како бы до конца истребити веру Христа Бога! отврещи законы церковные и гражданские! низложити архиерейские кафедры, опустошити священые олтари и превратити царские престолы!!! ввести же безначалие, еже всех зол последнейшее, и научити человеки, яко несть Бог, ниже промысла его, но яко мир сей самобытен есть и вся, яже в нем, по случаю бывают! Его же смертоносному учению последующии учат тому же безбожию и именуются вольнодумы... Им же всем: изобретателю такового учения, разсевающим оное и приемлющим е, да возгласится от всех православных христиан: анафема!

Бегайте убо оных треклятых, имже образом бежит человек от лица зверей страшных и змиев пресмыкающихся; то бо суть предотечи антихристовы, тщащиеся безначалием предуготовати путь сыну погибельному. Вы же не внимайте лаяниям сих псов адских, представляющихся акибы состраждущими о человечестве» (22).

Подобным образом, только несколько короче, сказано и в «Мирной Грамоте», подписанной тогда же, 24 февраля 1864 г., митрополитом Кириллом и обращённой к «Всероссийскому освященному собору»: «Поучайте же и пасомых вами, по преданию и учению апостольскому, Бога боятися и царей почитати, и поставленных от него властей коегождо по чину и всякое благопокорение и благоразумие пред ними показовати и от всех врагов и мятежников удалятися, яко же от крамольных и мятежных Поляков, тако и от лондонских злохитрых безбожников, готовящих безначалием путь сыну погибельному, их же суд не закоснит и погибель не воздремлет, от нея же да избавит нас Господь Бог!» (23). В этих строках, написанных страстно и убедительно, проступает всё негодование Ксеноса против «безбожников, гнездящихся в Лондоне», которых он причисляет к «последователям учения Вольтера», к «истребителям веры Христовой», к «низвергателям законов церковных и гражданских» и «царского престола», «тщащимся безначалием предуготовить путь сыну погибельну». Эти послания, вышедшие из-под пера Илариона Кабанова, в которых старообрядцы отмежевались от антирелигиозной и антимонархической позиции революционеров, адресованы не только правительству. Очевидно, что И. Кабанов одновременно адресовал свои послания лондонским эмигрантам.

Ещё раз Ксенос напомнил о подрывной деятельности «лондонских крамольников» и «предтечей антихриста» в верноподданническом адресе, составленном 17 апреля 1866 г. по случаю «преступного покушения на драгоценную жизнь Государя Императора» (выстрел Дмитрия Каракозова 4 апреля 1866 г.): «Всех врагов Твоих, стремящихся к уничтожению богоучрежденной власти, вменяем врагами нашего любезнаго отечества, попирателями учения св. церкви, разрушителями апостольских преданий, противными Богу, устроившему начальства во общую пользу, и предотечами антихриста, тщащимися безначалием уготовати путь сыну погибельному» (24).

А.И. Герцен, переосмыслив политические «искания» прошлых лет, принял решение отстраниться от сомнительных планов М.А. Бакунина и В.И. Кельсиева опереться на старообрядцев и в одной из глав «Былого и дум» показал свою непричастность к ним. В главе «М. Бакунин и польское дело» было сказано: «Он (М. Бакунин) верил, что наш старовер воспользуется католическим движением (польское восстание), чтобы узаконить раскол» (25). А идеям В.И. Кельсиева А.И. Герцен дал ещё более рельефную оценку: «Грубо-наивный социализм в евангельской ризе сквозил ему в расколе» (26). А.И. Герцен, критически переосмыслив «искания» М.А. Бакунина и В.И. Кельсиева, идеи которых в своё время не только пробудили интерес, но и увлекли его, дал вполне объективную оценку своим бывшим единомышленникам, а через них и своим прежним заблуждениям.

«Представление старообрядцев о мироустройстве, – писал Н.И. Субботин, – в котором главное место занимает богоучреждённая власть, воспитанное религией, ставшее основой мировоззрения старообрядца, оказалось несовместимым с учением революционеров о ниспровержении власти, данной от Бога. В этом существенном различии воззрений на предержащую власть и заключается непреодолимое препят-

ствие к соединению старообрядцев с поборниками революции» (27).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Исповедь Василия Ивановича Кельсиева // «Архив русской революции», издаваемый И.В. Гессеном. Т.XI. Берлин, 1923 г. (М., 1991. С.205).

2. Субботин Н.И. Раскол как орудие враждебных России партий. М., 1867. С.113, 115.

3. Там же. С.115.

4. Братское Слово. 1884. Т.2. С.172.

5. Исповедь Василия Ивановича Кельсиева. С.258.

6. Герцен А.И. Былое и думы. М., 1983. Ч.7. С.348.

7. Исповедь Василия Ивановича Кельсиева. С.192–193.

8. Там же. С.204–205.

9. Там же. С.205.

10. Герцен А.И. Указ. соч. Ч.7. С.335.

11. «Колокол», газета А.И. Герцена и Н.П. Огарёва. Вольная русская типография. 1857–1867 Лондон-Женева. Факсимильное издание. М., 1962. Вып.V. С.1022.

12. Там же. С.1022.

13. Там же. С.1156.

14. Исповедь Василия Ивановича Кельсиева. С.224–225.

15. Братское Слово. 1888. Т.1. С.692.

16. Там же. 1889. Т.2. С.649.

17. Колокол. С.31–32.

18. Исповедь Василия Ивановича Кельсиева. С.232–233.

19. «Клинцовский адрес» императору Александру II // Московские ведомости. №179. 1863.

20. Субботин Н.И. Указ. соч. С.136.

21. Архипастырское Послание в 1864 г. было напечатано в Яссах, в типографии Бермана.

22. Субботин Н.И. Указ. соч. С.151–152.

23. Там же. С.152.

24. «Адрес» был напечатан 18 мая 1866 года в «Северной почте» №104.

25. Герцен А.И. Указ. соч. Ч.7. С.348.

26. Там же. С.315.

27. Субботин Н.И. Указ. соч. С.177.